

A watercolor illustration of a woman standing in a landscape. She is wearing a long, flowing dress with a yellow and orange gradient. The background features a blue sky, a green field, and a brown building. The style is soft and painterly.

Юлия Бычкова

Радуйся бездне

роман, рассказы

Юлия Бычкова
Радуйся бездне

«Издательские решения»

Бычкова Ю.

Радуйся бездне / Ю. Бычкова — «Издательские решения»,

«Смотришь в себя — видишь мир. Пишешь о нем — и рождаешься заново. Как художник. А чем не предназначение человека? Перед тобой, читатель, новый художник, и я рад рекомендовать его тебе. Юлия снимает классные видеоклипы. Но ее проза — полноценный, фестивальный, художественный метр». (Андрей Бычков, писатель, сценарист)

© Бычкова Ю.

© Издательские решения

Содержание

Альбина в стране чудес	6
Глава 1. На скорости	6
Конец ознакомительного фрагмента.	34

**Радуйся бездне
роман, рассказы
Юлия Бычкова**

© Юлия Бычкова, 2016

© Станислав Бычков, иллюстрации, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Альбина в стране чудес Роман

Глава 1. На скорости

1.

Это снова был трудный день. Альбина ждала телефонного звонка, она нервничала и крутилась на стуле. Делать, конечно же, ничего не хотелось. Ну почему она не звонит? Ведь так просто, сними трубку и набери семь цифр. Зачем, зачем так терзать ее и мучить!

Альбина открыла верхний ящик стола, забитый до отказа всякой всячиной, какую обычно держат в столах на «случай»: канцелярские скрепки, крем для рук, духи, катушки с нитками, таблетки от давления и головной боли. Что нужно ей в этом столе? Она проглотила таблетку и запила ее давно остывшим чаем. Ну вот, сейчас будет полегче. Таблетка прочертила невидимую дорожку где-то внутри, через горло по пищеводу в желудок. Желудок недовольно заурчал, и ей вдруг захотелось поесть. До обеда еще было далеко. Альбина представила свои любимые блюда: свиную отбивную в грибном соусе, припущенную цветную капусту с тертым сыром и торт-трюфель с шоколадной крошкой. Хорошо бы было, если бы торты тщательно пропитывали густым сиропом, замешанным на небольшом количестве ликера, как раньше, в старые времена, а то взяли моду экономить... Да, тогда многие продукты имели другой вкус, какой-то натуральный, более насыщенный – мороженное, например, или лимонад «Тархун» и даже хлеб был вкуснее. Что уж тут говорить, если они и хлеб умудрились испортить.

В кабинет вошла Альбинына соседка. Альбина вздрогнула, вдруг поняла, что она слишком увлеклась ящиком, в общем, ничем не примечательным. Она машинально толкнула его ногой, чтобы поскорее задвинуть. Ей не хотелось, чтобы кто-то заглядывал в него или чего доброго задавал лишние вопросы.

Соседка проплыла ленивой походкой через центр их кабинета, не удостоив Альбину никаким вниманием.

Альбина подумала, откуда столько важности в молодой бухгалтерше? Что такое она из себя представляет, что может ходить, не видя ничего дальше собственного носа? Странно, что люди в этих офисах совсем ничем не интересуются. Ходят только туда, сюда, шепчутся по углам, да демонстрируют наряды. Она ведь не такая. Она бы с удовольствием сейчас поболтала с кем-нибудь по душам, по-женски или обсудила вчерашнее кинишко. Остросюжетная история: необитаемый остров и все такое...

Альбину соседку по кабинету звали Нелли. Она была маленького роста. С окружающими Нелли держалась холодно и часто повышала голос. Альбину порой пугал один лишь ее взгляд. Когда та случайно выглядывала из-за символической мебельной перегородки между их столами, Альбина моментально прятала глаза, делая вид, что увлечена своими бумажками и вообще не имеет такой привычки соваться в чужие дела.

Нелли не любила новеньких, да и со старенькими у нее не очень получалось. Казалось, с кем у нее были хорошие отношения, это с начальницей их отдела, непредсказуемой и очень резкой особой. Альбина часто наблюдала, как Нелли с ней невероятно мила и даже, как ей казалось, заискивает. Хотя на самом деле, пожалуй, так и надо поступать. Где это видано, чтобы начальникам грубили? Это же совсем никуда не годится.

Альбине ее будущая начальница сразу не понравилась. На первом интервью она много говорила, время от времени поправляя пышный причесон. И вообще она всегда держалась строго, даже пафосно. Все эта ее речь о корпоративном духе, о необходимости сверхуроч-

ных и о преданности любимой фирме. Как-то не верилось, что в наше время такое бывает. Да и к Альбине она не проявила живого интереса, ничего не спросила ни об ее предыдущем опыте, ни об ожиданиях от новой работы. Альбине даже показалось, что она попала в прошлое на какое-то комсомольское собрание, где тоже всегда говорили много и, как правило, не по делу, а вопросы, если они и были, то главным образом вокруг: «почему не заплатили взносы?».

Начальница на интервью тоже задала один единственный вопрос:

– Не собираетесь ли вы родить ребенка? А то у нас тут очередь...

– Третьего? Нет, не при каких обстоятельствах, – испугалась Альбина. – У меня ведь двое.

– Я знаю, что у вас двое.

Альбина этим ее словам удивилась.

– Я сама лично просила агентство отобрать для нас бухгалтеров с детьми. – Она сделала длинную паузу, чтобы Альбина успела понять, как же ей сказочно повезло. – Без детей мы вообще не смотрим.

Она так и сказала: «Без детей не смотрим».

– М-м.

Альбина призадумалась, а что если первый в этой очереди за ребенком по каким-нибудь причинам застрянет. ... И что, тогда по «корпоративной этике» остальные должны сочувствовать и терпеливо ждать?

2.

Она снова открыла ящик стола в надежде найти что-нибудь сладкое. Но сладкое было все съедено. Она очень пожалела, что не зашла вчера в магазин. Во-первых, холодильник бы наполнила дома, чтобы у свекрови пропало всякое желание критиковать ее и делать замечания по поводу плохого питания. Это ведь не так. Далеко не так.

А, во-вторых... Во-вторых, Альбина вообще хорошая хозяйка. Ее первый муж очень любил приглашать гостей. Какие она, бывало, устраивала застолья! С пирогами, с большим салатником вкуснейшего оливье, порезанным тонко-тонко свежим ярко-желтым сыром и ярко-розовой ветчиной. Она не любила незрелые творожистые сыры и никогда не доверяла мужу покупку сыра. Горячее блюдо она всегда подавала ровно через час, после того как гости расположились, выпили и отведали холодные закуски. Ей не нравилось, когда у некоторых ее знакомых практически сразу подается горячее мясо, да еще с вареной картошкой. Картошка – это вообще не празднично. Гости вынуждены проглотить закуски, и почти без перерыва набивают животы горячим, чтобы оно не остыло. И праздник превращается в поглощение еды. К тому же вино после такой обильной еды практически не расслабляет, а в желудке одна только тяжесть. Какое тут веселье?

«Как давно к нам не приходили гости! Все куда-то разбежались-разъехались. На самом деле, все закончилось в тот момент, когда я развелась со Стасом», – думала Альбина. А сейчас она вообще целый день на работе.

Альбина глубоко вздохнула и от этого в животе что-то снова заурчало.

Сегодня же забегу в универсам. Непременно. Куплю все самое-самое – большую курицу килограмма на полтора, помидоры, оливки и слабосоленую семгу. Муж любит деликатесы, хоть врач и запретил ему из-за поджелудочной. Но ведь ему иногда так хочется...

Альбина, увлекшись своими мыслями, не заметила, как к ее столу подошла Нелли и что-то говорит ей. Она будто выросла из-под земли.

Альбина глупо улыбнулась и подумала, что надо быть повнимательнее и поосторожнее.

– Ты что, уснула? – рявкнула Нелли. – Выйди из коррекции, ты блокируешь функцию обновления.

– Я? – ее голос задрожал. – Я... Я сегодня вообще никуда не входила.

Это было правдой. Как и то, что у Альбины с самого утра начался трудный день – она дожидалась звонка из дому, а свекровь снова почему-то не звонила. Да к тому же эти магнитные бури, с каждым годом их все больше и больше. Ее даже предупреждал врач-терапевт, что в такие дни нужно переходить на «щадящий режим» и поменьше работать. Альбина подумала: «Вот почему у меня с самого утра какая-то тяжелая голова и постоянно хочется есть».

Нелли ничего не сказала, только молча, посмотрела на изящные позолоченные часики на своей руке.

– Я не так хотела сказать, – оправдалась Альбина. – Сегодня трудный день... магнитные бури...

Но Нелли ее не слушала. Она села на свое рабочее место и уткнулась в монитор.

Альбина немного успокоилась: хорошо, что все закончилось так быстро. Ведь весь день еще впереди, и так не хочется нервничать по пустякам.

«Да, кстати, – вспомнила она, – почему же не звонит свекровь?» Она в этой суете совсем забыла, что ждет звонка. Как бы ей изловчиться и позвонить самой?

Альбина очень любила говорить по телефону. А раньше она очень много говорила по телефону. Она звонила друзьям, друзья звонили ей, и они обсуждали все на свете – свежие новости и причуды погоды, новые покупки, кинофильмы и кулинарные рецепты. С каким бы удовольствием она сейчас сняла трубку и сама бы всех обзвонила. Всех, с кем уже сто лет не виделась и даже не поздравляла с днем рождения. Она бы конечно похвасталась тем, что звонит с работы. У нее солидная фирма, красивый офис в центре города, дорогой компьютер, плазменный экран и все такое. Это тебе не какое-нибудь госпредприятие или министерство. Все прилично. Многие о такой судьбе и мечтать не могут.

«Главное, – думала она про себя, – сказать это как можно более небрежно, будто бы давно привыкла к хорошей жизни».

Тут вдруг зазвонил телефон. Альбина вздрогнула. Кто-то из отдела сервиса и поддержки, фамилию она не поняла, спрашивал, когда можно получить деньги по авансовому отчету. По какому отчету Альбина тоже не поняла. У нее их скопилось в тумбочке много, наверно несколько штук. Но она решила, что нужно человека успокоить.

– Посчитаю и сразу вам позвоню.

– Спасибо, – сказал голос в трубке.

– Да пока не за что, – вежливо ответила Альбина.

Она решила, что там не так уж и много работы. Соберусь и сделаю все прямо сегодня. Непременно. Дело мастера боится.

Тут Нелли и еще две девицы из их отдела оделись и куда-то отправились, не сказав Альбине ни слова. Ей, конечно, это не очень понравилось. Она ведь такой же, как все работниц, принята на службу с трудовой книжкой и хорошим окладом. Ни какая-нибудь там приезжая, без роду, без племени или неопытная студентка на стажировке. У нее тоже есть достоинство. А представьте, что в их отсутствие в бухгалтерию будут заглядывать какие-нибудь важные люди, а она даже не знает, что им сказать.

Как только они захлопнули за собой дверь, Альбина опомнилась, и, не теряя времени, начала названивать домой. Трубку взяли не сразу. Ей пришлось ждать шесть звонков или даже больше.

– Але, – услышала она грубоватый голос своей свекрови. – Аль, ты?

Свекровь никогда не называла ее Альбиной, а только Алей или строго Аллой. Ей так хотелось.

– Марина, Алексеевна, куда вы пропали?!

– Я не пропала, – начала, было, Альбина свекровь.

– Вы же обещали позвонить, – перебила ее Альбина. – Почему, я столько времени жду? Ну, вся извелась.

– А потому что кто-то совсем забыл про свою семью. В холодильнике пусто, а дети на завтрак едят печенье, – язвительно сказала она. – Мне пришлось прогуляться до универсама.

– Ну, да, да... я не успела, – Альбине не хотелось ругаться, но нельзя же оставить эти нападки без ответа, она собственно ни в чем не виновата. – Я пришла вчера с работы в одиннадцать, – на всякий случай соврала она.

На самом деле Альбина, пришла домой рано. Дети были одни. Муж ушел в ночную. Она переоделась, добрела до кухни, и там, в мойке скопилась целая куча грязной посуды, которая уже успела засохнуть. Альбина подумала: это уже слишком – после напряженного рабочего дня, брать на себя такую неподъемную ношу... Она почувствовала себя опустошенной, будто бы не просто устала, а превратилась в разобранный шланг от пылесоса. Такое случалось с ней и раньше, когда на работе нельзя было посмеяться и расслабиться, и весь день проходил так тяжело, как, наверно, на каторге. А тут еще гора посуды.

«И что мне с ней делать?», – подумала она.

В расстроенных чувствах Альбина включила телевизор. Там две серии подряд шел фильм про необитаемый остров.

– Я не знаю, во сколько ты пришла, – продолжала на том конце провода свекровь. – Но знаю, что твои дети на ужин грызут чипсы с печеньем и запивают газировкой. Сейчас у них гастрит, но скоро будет язва от такого питания.

Альбина решила не комментировать, но в глубине души готова была вцепиться свекрови в глотку. Накаркает старая ведьма, – и не такое будет.

У Альбины даже лицо покрылось красными пятнами.

– Марина Алексеевна, – как можно более строго сказала она, – Я собственно по делу звоню, а не для того, чтобы выслушивать... Вы сводили детей к кардиологу?

– Ах, еще и к кардиологу? Зачем это к кардиологу? К какому такому кардиологу? Не знаю я никакого кардиолога.

– Марина Алексеевна, ну, мы же договаривались, – негодовала Альбина, думая про себя, как можно быть такой тупой. – Позавчера ведь обо всем договорились, и я с таким трудом доставала талоны к врачу!

– У меня здоровые внуки. Никуда я не поведу их. Это все чепуха.

– Даня жаловался, что у него слева болит.

Даней она называла внука Дениса.

– Вот видишь, вот видишь, к чему это приводит! Это все твоя работа виновата. Говорила тебе: сиди дома. Бросила семью, дети голодные. А завтракают они у тебя чем? Печеньем. – Тараторила свекровь, не давая Альбине вставить ни слова. – Раньше женщины не работали, поэтому дети у них не болели, ходили в чистой одежде и хорошо учились, – вопила хрипловатым голосом свекровь. – Не знаю, ой не знаю, что ты можешь делать такое важное, что должна сидеть в этом своем офисе весь белый день...

Альбина невольно отодвинула трубку от уха на расстояние вытянутой руки, решив, раз она все это сто раз слышала, на этот раз можно и пропустить, диалог все равно не получится. Посидев так с минуту, она опять прислушалась к телефону, но в трубке никого уже не было – только короткие гудки. Альбине такой приемчик был хорошо знаком. Через пару часов свекровь сама позвонит, как ни в чем не бывало, и скажет, что их разъединили на коммутаторе. И как с таким человеком можно общаться! Кому она доверила своих детей!

Альбина, сидя задумчиво с трубкой в руке, прислушалась к голосам в коридоре. Это могут быть ее соседки. Она бросила трубку на рычаг, схватилась за компьютерную мышь и уставилась в экран. Вот так. Пусть не думают, что я тут болтаю или решаю какие-то свои проблемы.

Дверь открылась, в кабинет вошли ее соседки – Нелли и еще две бухгалтерши, которые работали здесь давно. Они громко обсуждали не то какую-то новость, не то это были обычные сплетни.

– Боня бросила Протопович, – громко вещала Нелли. – Говорит, ты маленький для меня, мне бы взрослого мужчину.

– Что ты говоришь? Страшное дело, – совершенно искренне удивилась первая.

– Он плакал, Степа-то. Да-а, видать, он ее любил, – сказала вторая.

– Ну, она ж секси, да к тому же с Рублевки, как такую не любить? – подытожила Нелли.

– Ой, девочки, я думала, Бони – это кликуха, а это ее фамилия, – неожиданно вспомнила первая бухгалтерша.

– Ну, да, она иностранка, – холодно сказала Нелли.

– Страшное дело.

– А кто там дрался-то?

– Это Тори что ли?

– Да нет, сестры эти придурочные взяли моду каждый день драться. Что ни день – то представление.

– А с Тори что?

– Это которая пришла строить любовь?

– Она специалистка по всем новеньким. Приходит новый мужик, она сразу: «Люблю – жить без него не могу». Каждый раз, как в первый раз. И всегда серьезно.

– А Тори заселилась с Машей в дом.

– Вдвоем?

– Да, нет же, их трое. Они с этим Груздем. Это была его идея, типа поживу и выберу.

– Это что это они там такое втроем делают? Что за разврат такой?

3.

Альбина напряженно разглядывала экран монитора, стараясь держаться непринужденно, будто бы ее ничего не касается.

«Как можно интеллигентным людям смотреть это пошлое барахло!» – подумала про себя Альбина.

Она подергала мышью, но экран был черным, там ничего не происходило. Она затаилась. В кабинет вошла Нелли и плюхнувшись на свое место, косо зыркнула на Альбину. Так ей показалось.

Альбина выглянула из-за перегородки на соседку, а потом серьезным видом посмотрела по сторонам, и для всех объявила: «Ох, сколько у меня работы!» Эти слова повисли в воздухе, потому что ее никто не слышал.

Альбина открыла шкаф, там высокой стопкой лежали непроверенные документы. Как домашний торт-наполеон, – подумала она. И ей захотелось кофе, чтобы он был горячим и очень крепким. Она выбрала отчет попроще, бросила его себе на стол, и отправилась налить себе чашечку кофе.

Дама в возрасте Дарья Васильевна сидела, откинувшись на стуле, и что-то увлеченно рассказывала про новеньких менеджеров, которые «взяли моду рыться» в ее, как она выразилась, ящиках на кухне. Две ее закадычные подруги стояли навтыжку и внимали речам. Сама Дарья Васильевна работала настолько давно, что сбилась со счета, сколько именно прошло лет, то ли пятнадцать, то ли семнадцать. Она следила за порядком на кухне и готовила директору кофе. Все за глаза ее звали Дарвас.

– Ну, и что мы ищем? – громко сыграла Дарвас сама себя.

– Вот, хотели торт разрезать. У вас случайно не найдется ножа?

– А почему вы роеетесь без спросу в моем столе, на моем, кстати сказать, рабочем месте? – еще громче спросила Дарвас, желая услышать ответ.

Она по обычаю пропустила их слова мимо шей, хотя ей ясно сказали, что нужен нож.

Новенькие не стали вдаваться в детали, они не задумывались над этим, может ли офисная кухня быть чьим-то рабочим местом.

– Представляете? – продолжала Дарвас, обращаясь к подругам. – А что если я храню там личные вещи?

Ее слушательницы дружно ахнули, как если бы произошло непоправимое, и менеджеры увидели бы что-то очень личное: очечник, упаковку валидола или упаси господи, запасные колготки, лежащие на своих привычных местах.

Альбина сделала вид, что не слушает этот разговор, да на нее никто и не обращал никакого внимания. Она нажала вторую кнопку сверху на черной сверкающей панели кофемашины, получила свою порцию – двойной без сахара и отправилась на свое рабочее место.

«Странно, – думала Альбина, прогулочной походкой вышагивая к своему кабинету по серому коридорному ковролину. – Почему люди начиная работать вместе никогда не испытывают особой радости по отношению к новеньким? Всегда настороженно смотрят на них, в разговорах первым делом подчеркивают все свои заслуги и то, сколько лет они уже здесь трудятся, без конца напоминают об ответственности, какой их наделили, и так старательно тебе не доверяют?»

Но, как Альбина знала по собственному опыту, пройдет время и все неожиданно изменится. Вы вдруг начнете казаться друг другу близкими, настолько, что можно будет спокойно обсуждать различные темы – причуды погоды, вчерашние фильмы и медицинские страсти, и может быть даже самые откровенные житейские глупости.

И ведь вы ничего «такого» не делаете. Такого, что могло бы вас по-хорошему сблизить, кроме того, что вы ежедневно вместе просиживаете штаны по девять часов с перерывом на обед, на котором тоже ничего интересного не происходит, кроме пустых сплетен о сослуживцах, телевидении и о погоде.

Вот так хожу я, хожу по длинному коридору, – думала про себя Альбина. – Смотришь, через полгода, зарплату поднимут, а там может, и годовую премию дадут. Придет кто-нибудь новенький в отдел, а я стану «старенькой». Настроение у Альбины значительно улучшилось.

Альбина представила, что этот коридор, как бы сцена. Она измерила взглядом его ширину и посмотрела на потолок, словно попала во дворец. Она остановилась, обернулась вокруг себя и пошла медленно, будто боясь упустить что-то важное. Она вытянула шею, немного отклонилась назад, положила одну руку за спину, чтобы осанка стала чуть прямее и начала старательно тянуть носы своих стоптанных туфель, немного разводя их в стороны, как балерина. И у нее хорошо это получалось, и она стала подгибать опорную ногу так, что ее походка превратилась в танцевальный шаг. «И раз, и два, – повторяла Альбина сама себе, – И раз, и два, и раз, и два». И она запела: «Та-да-да-дааа-да-да». Ее любимую самую волшебную музыку на свете: «Вальс цветов». Вдруг дверь кабинета, оказавшаяся слева, неожиданно открылась, и оттуда вышел импозантный мужчина, и чуть не сбил Альбину с ног. Она отпрянула от испуга, чудом не разлив свой кофе. Перед ней стоял сам директор, господин Зиг. Он, вероятно, услышал Альбинино пение, потому что удивленно и очень строго, даже слишком строго посмотрел на нее и, ничего не сказав, пошел дальше. Альбине стало стыдно за свое поведение, за то, что она так сильно увлеклась. «Вот он, предостерегающий знак, – подумала она. – Нужно быть на чеку, ведь и в коридорах могут быть люди, мои коллеги, менеджеры или даже начальство». Она остановилась на мгновение, подумав, что нужно вести себя по-деловому, и понуро поплелась к себе.

Альбина вошла в кабинет, поставила чашку на стол, и только тогда обратила внимание, что около ее рабочего места стоит начальница и с каменным выражением лица на нее смотрит.

– Здравствуйте Ж-жанна, – запнулась Альбина, догадываясь, что начальница ее поджидает не зря, не для того, чтобы просто поздороваться...

– Здравствуй, Альбина, – сказала она строго. – Альбина, я тебе отправила мэйл, вот уже десять минут назад. И жду от тебя ответа. Может быть, ты думаешь, что у нас есть работа, которую можно отложить или вообще не делать?

– Нет, – Альбина опустила на свой стул оттого, что очень растерялась, ведь начальница никогда не обращалась к ней напрямую, тем более в такой манере.

– Что, нет? – выпучила глаза начальница.

– Я его пока не прочла. Не успела.

– Знаешь ли ты, что в нашей работе всегда необходимо расставлять приоритеты. – Она посмотрела на сидящую Альбину сверху вниз. – Объясняю: прежде чем приступить к выполнению какого-либо задания, необходимо поставить ему оценку по степени важности. – Голос начальницы был удивительно чист, и даже звенел. – Задачи могут быть обычными, средне-важными, серьезными, неотложными и срочными, – она понизила голос и сделала многозначительную паузу. – Я всегда говорила и не устану повторять: мои задачи, и задачи всех ваших руководителей для вас являются супер срочными и сверх важными, иначе бы мы и не просили.

Альбина задумалась, к какому из перечисленных пяти классов относится супер важная задача? Или это некая особая категория?

– Но ведь такой степени не было, – промямлила Альбина,

– Какой степени? – обалдело спросила Жанна.

– Были средне-важные, были серьезные и срочные были, а супер важных не было.

Жанна приблизилась к Альбине и заорала, постукивая кулаками по невидимой трибуне:

– Заруби у себя на носу, если большому менеджеру требуется помощь, кстати сказать, не важно в чем, значит, скорее всего у него самого нет достаточно времени для этого. А знаешь почему?

Альбина вжалась в стул, ее сердце колотилось, как у зайца. Она, не мигая, смотрела на орущую в принципе малознакомую женщину.

– Потому, что он занят другими делами, – начальница торжествовала. – И если у нас нет времени для этой самой задачи, то у тебя оно должно найтись мгновенно, сию же секунду, чем бы ты не занималась сейчас. Даже если, ты завалена по горло работой, и подотчетники стоят в очередь к твоему столу, задание менеджера означает, что в данную минуту ты должна заниматься только этим, а все остальное подождет.

Альбина испытала шок, как наверно бывает после автокатастрофы. Какие-то секунды она даже не понимала, что такое происходит. Кажется, на нее в жизни никто никогда так не кричал.

Жанна, по всей видимости, была довольна своим выступлением. Как-никак разгрузилась. Она постояла еще мгновение, и не на кого не глядя, тяжело дыша, она отправилась к себе.

Альбина осмотрелась по сторонам. Ее соседка Нелли сидела, уткнувшись как всегда в свой монитор, не подавая признаков жизни. Она была напряжена, явно больше, чем обычно. Две другие бухгалтерши испуганно переглядывались, но говорить вслух не решались.

Альбине стало жутко неудобно. Хотя вроде она не в чем и не была виновата, но весь этот крик, все это произошло из-за нее, точнее, из-за ее нерасторопности. И при этом еще присутствовали три взрослых человека, такие вроде бы умненькие девочки с экономическим образованием... Они слушали Жаннину речь, и наверно, им сейчас очень стыдно за Альбину, за то, что ее, можно сказать, так мастерски, прилюдно опустили. Ведь все было бы иначе, если бы разговор состоялся за закрытой дверью, где-нибудь, в кабинете начальницы, тет-а-тет.

Альбина схватилась за мышку, решив, что сейчас же должна все исправить. Подумать только, ведь у нее еще не прошел испытательный срок. А у Альбининых коллег, наверно, даже не сложилось о ней никакого мнения, и надо было так оплошать. Она сейчас же прочтет зло-

получный мэйл и, пока начальница дойдет до своего стола, она уже напишет ей ответ, краткий и вразумительный.

Альбина начала нервно дергать мышью, но монитор не загорался.

Какой странный скрин-сейв, – подумала Альбина, – У меня совсем нет времени дожидаться, когда эти игрушки закончатся. Что же делать? А вот что! Нужно позвонить в компьютерный отдел, кажется, они это называют help desk.

Альбина что-то сбивчиво и непонятно пыталась объяснить компьютерщику, что скрин-сэйв на экране иногда дает сбои, а ей так нужно выполнить срочную работу, очень нужно, немедленно... Ласковый голос сотрудника с Help desk посоветовал ей, нажать три кнопки Str+Alt+Del и перезагрузиться.

Альбина поблагодарила его, и сделала, как он ей велел. Но ничего не происходило, монитор был черный. Надо же, какая неприятность, – подумала Альбина. – Только этого мне не хватало, сломался компьютер.

Лично она никогда не доверяла современной технике. Все пластмассовое да вдобавок китайское. Ну, какая тут может быть надежность?

«Именно в тот момент, когда мне необходимо выполнить супер важную рабо..., задачу, он берет и просто ломается, – негодовала Альбина. – Какая досада, а мне-то что делать? Об этом ни в коем случае никому нельзя говорить. – Альбина посмотрела в окно, там над городом нависли тяжелые тучи. – А вдруг позвонит Жанна... Сказать ей об этом или нет? Если Жанне сказать о поломке, это может ее оправдать, как-никак, уважительная причина. А если та обвинит Альбину в порче имущества, или даже скажет, что она сделала это специально, мало ли что ей в этот момент покажется... Нет уж, лучше я не буду говорить».

Альбина поняла: это тупик. Ей ничего не приходило в голову кроме как позвонить мужу. Она взяла украдкой мобильный телефон и, спрятав его в рукаве, вышла в коридор. Там она огляделась и дрожащими руками выбрала из списка номер мужа.

– Але, – послышался грозный голос мужа.

Обычно его голос был другим – мягким, бархатным. А сегодня он звучал строго, даже жестко. Так жестко, что Альбина его не узнала.

– Валера? – тихо спросила она. – Валера, у меня компьютер сломался. Что мне делать?

– Сгорел что ли?

– Да нет, просто экран черный.

– А ты его вообще включала?

Альбина задумалась.

– Не знаю. Не помню.

– Так пойдй, проверь. И не мешай мне больше, я сплю.

Она совсем забыла, что муж утром пришел из ночной. Так вот почему у него был такой странный голос. Как бы то ни было, Альбина обрадовалась, поскольку у нее на мгновение появилась надежда.

Она вернулась на свое место, огляделась по сторонам, и, убедившись, что за ней никто не наблюдает, осторожно нажала все кнопки. Компьютер начал загружаться.

– Уф, – облегченно вздохнула Альбина, – Просто забыла утром включить.

Хорошо все-таки иметь помощников. Куда без них?

Компьютер тихонько затрещал, зашуршал и экран вспыхнул. Подружка Катька с Альбиной старой работы вызывала ее через Интернет-агента. Конечно, надо ответить.

Екатерина (4:27):

привет, Альбин! Куда пропала? Как новая работка? Что за коллектив?

Albina (4:27):

В Гестапо, наверно, было душевнее.

Екатерина (4:27):

: ((

Albina (4:27):

Денек сегодня тот еще...

Екатерина (4:27):

Забодали?

Albina (4:27):

Тут начальница на меня сейчас так кричала!.. Так кричала! Как бешеная корова...

Екатерина (4:28):

Ужас, по поводу бешеной коровы! Держись!

Albina (4:28):

А как у тебя?

Екатерина (4:28):

На моем месте сидит молодая, ну совсем нюшка, и Ксюха после тебя тож сидит, токо забрала себе еще кучу работы, того чела, который не выдержал.

Albina (4:28):

у той девочки??? которая расчетчица

Екатерина (4:29):

Да не-е, на авансовых, которая после меня пришла.

Albina (4:29):

А что хороший оклад положили??? чтобы так ус... упираться?

Екатерина (4:30):

деньга на лопате не помещается

Albina (4:30):

а еще одна была... Светка, что с ней? она не родила?

Екатерина (4:31):

Светка с большой ж...?

Albina (4:31):

Ну да

Екатерина (4:31):

все плюшки жрет, говорит, 10 кг набрала.

Albina (4:31):

ну, зубы видать хорошие.

Екатерина (4:31):

ок

Albina (4:32):

А Маняша как?

Екатерина (4:32):

А эту лишь бы кто развлекал... сама видишь: набрали по объявлению.

Albina (4:33):

все романы крутит?

Екатерина (4:33):

А то! да ну ее!

Albina (4:33):

Ок. Как же вы там справляетесь?

Екатерина (4:33):

нехай главный хвосты закрывает, а мы – исполнители.

Albina (4:33):

Ок.

Альбина вздохнула. Вот так, уволишься, а твою работу отдадут непонятно, кому и платят вдвое больше, лишь бы не сбежали. Несправедливо это...

3.

В outlook было десяток непрочитанных писем. Как обычно, спам – путешествия, шелковое белье и Виагра». Инженера просят денег, финансисты прислали график закрытия, отдел кадров сообщает о важном визите главы американского отделения. Ресепшен пишет, что от офиса опять эвакуируют машины.

Боже, какая дикость, – подумала Альбина. – Эвакуировать собственность. Ради чего? Чтобы убрать одни мазды с бмв и освободить место под другие лексусы и инфинити.

Как хорошо, что Альбина ездит на метро. Конечно, там под землей не все гладко, зато все равны. Ну, бывает толкучка утром, бывает бомж издает неприятный запах, а так больше ничего такого... Еще Альбина не любила, когда сидящий рядом пассажир, не то забывшись, не то засыпая, и начинает невинно прикладываться на ее плечо. Такое случалось только вечером и чаще всего пассажир оказывался либо помятым, либо сильно уставшим. Нет, Альбина знала, что в этом нет ничего неприличного или хулиганского, но все, же неприятно, когда чужой мужик сопит на твоём плече.

И толкучку в часы пик она тоже не любила. Бывает, наберется толпа в переходе на кольцевую перед эскалатором, и вот они там вошкаются, пытаются пробраться, как из большой воронки в узкое горлышко бутылки. И Альбина тоже пробирается. И ее засасывает, затягивает, и назад уже не повернуть. И вечно кто-нибудь в этой толпе к ней прижимается сзади и сопит в ухо, думает, наверно, что так быстрее будет. Альбина всегда оборачивалась и строго-строго смотрела на толкуна, как она их про себя называла. Ругаться ей, конечно же, с утра не хотелось.

Мысли про утреннюю толкучку вернули ее с небес на землю, и она вспомнила про недавний инцидент с Жанной. Боже мой! Я ведь до сих пор не прочла ее мэйл. Где же он? Ах, ну вот же.

Начальница обращалась к Альбине жутко официальным письмом в своей очень строгой манере, с такими характерными обращениями: уважаемый коллега, убедительно прошу, благодарю заранее... Подумать только, как будто нельзя было подойти и устно попросить! Все бы ничего, если бы этот злополучный мэйл был написан по-человечески, а то ведь она обращалась к ней не как-нибудь, а по-английски! Что ей нужно? То ли какую-то статистику по прошлым годам, то ли количество документов или людей, а может, это означает какую-то сравнительную аналитику, начиная с незнамо какого года. У Альбины зашумело в голове, ведь она даже не знает, как и где это можно посмотреть. Альбина расстроилась, здесь какой-то подвох. Ей точно не доверяют или ее хотят проверить, пока формально не прошел ее испытательный срок.

Альбина взяла чашку с остывшим кофе. Кофе оказался невкусным, горьким, словно подгоревший ужин. Она растерянно посмотрела по сторонам. На стене висел квартальный календарь, обычный такой офисный календарь. Она вдруг заметила, что красный квадратик давно никто не передвигал, уже месяц. Это непорядок. Она встала и аккуратно переместила его на текущую дату.

Интересно, придумано ли ему какое-нибудь название? Ведь этой штучкой пользуется миллион клерков, каждое утро. Альбина подумала, может быть, назвать его окошечком? Да, она будет называть его именно так.

Она почему-то стала долго всматриваться внутрь красной рамки. Альбине вдруг показалось, что там может оказаться другой мир, какое-то отдельное пространство, глубина которого также бесконечна и не имеет никаких границ, точно как космос. Но там, в отличие от нашего космоса, он именно такой, как вы хотите, гармоничный, справедливый, во всех отношениях нормальный. И если в нем найдутся вещи необыкновенные и самые-самые, то они непременно будут вашими. Например, там нет длинной дороги той, что построили вы, и нет числа большего

того, что задумали вы. И если вы вдруг найдете красивый дом – заезжайте в него и живите счастливо. В этом мире нет больших амбиций и нет места зависти потому, что все самое особенное, оно у вас. Альбина проживает в этом окошечке жизнь без забот и терзаний, которыми вечно наполнен каждый день маленького человека.

Альбина поняла, что ее мысли зашли в тупик: «Так о чем это я?»

Опомнившись, она, решила отогнать от себя эти странные видения, назойливые, как осенние мухи. Возможно ли такое, чтобы самый лучший дом был твоим? Альбина растерялась. Ну, конечно, нет. Ведь есть еще финансовый менеджер, главбух в Питере и директор отдела Маркетинга совершенно с другими возможностями и окладами.

Она медленно развела руки в стороны, чтобы почувствовать размеры просторного дома и большого приусадебного участка. А есть еще генеральный директор и у него, наверно, такой дом... Альбина невольно подняла глаза в потолок, представляя коттедж самого главного человека в их компании.

Она невольно вспомнила свой деревенский дом, купленный пару лет назад на последние деньги где-то на границе со Смоленской областью. Дорога длиной сто пятьдесят километром в одну сторону. Обычно они заезжали туда на два летних месяца с детьми.

В первый раз пришли соседи, вроде бы знакомится. Ушастый угрюмый парень лет шестнадцати с матерью. Женщина без конца задавала вопросы напрямик, и все время заглядывала во все углы, разумеется, без приглашения. Альбина, не успевая включить чувство самосохранения, отвечала невпопад, про себя думая, что если соседи будут дружить, то могут быть полезны. Вдруг из кухни послышался женский вопль: «Так вы богатые, у вас электрический чайник есть!» Это был крик отчаяния, истошный вопль проигранной судьбы и испитой до дна надежды.

Альбина испуганно спросила: «Вы что-то ищете?» У парня вдруг прорезался голос: «А чой тут искать-та? Ванька-бутылка все повывез, пока бабка-хозяйка в больнице помирала».

Получается, что невозможно быть самым-самым. Ведь всегда найдется кто-то, у кого есть все тоже самое, и гораздо лучше. Или хуже.

Она с грустью посмотрела на календарь. Весна в разгаре. Что там с нашим домом? Эти двое, наверно, наш забор на дрова распилили... Так ведь дешевле.

Красное окошко призывно смотрело на Альбину. Альбине хотелось вновь помечтать. Ведь в нем все спокойно и люди там все равны.

Люди, действительно могут быть равными. – Думала Альбина. – Если взять и построить, как в старые времена одинаковые дома для всех. Или лучше, как в новые, сделать так, чтоб никто ничего не знал. Высоченный кирпичный забор, одинаковый у всех, и что там внутри, знать не положено. Впрочем, если захочется, можно общаться на нейтральной территории, в лес ходить вместе, на лодке кататься, а внутрь – нет. Тогда это будет справедливо. Все будут думать, что живут одинаково, и перестанут завидовать. А заборы эти будет строить государство в обязательном порядке, и следить за тем, чтоб сведения о личной жизни каждого не разползались. Нужно еще какие-нибудь двойные ворота придумать, – размышляла Альбина. А то ведь будут подсматривать из-за дерева, пока мой ржавенький Фольксваген во двор въезжает. Увидят, какой у нас старый дом... А так будет «прихожая» для машины. А внутри – все наше. И только наше.

4.

Альбина посмотрела на часы. Скоро обед. А она до сих пор не выполнила сверх важное задание! Главное – не нервничать, – успокаивала себя Альбина, – Если Жанна сегодня снова спросит об этом, скажу ей, что в процессе, то есть плотно работаю.

Снова зазвонил телефон. Незнакомый голос в трубке спрашивал:

– А премия в этот месяце будет?

Альбина обрадовалась, что этот вопрос не к ней, и одновременно огорчилась, сама она вряд ли что-то получит.

– Позвоните в отдел кадров, – вежливо ответила она.

И все-таки, что бы она купила на премиальные? У Альбины закружилась голова. Может быть, забыла выпить таблетку? Она, конечно, этого не запомнила. Перво-наперво, проведу домой НТВ+ и куплю что-нибудь из одежды, затем дача... Она задумалась. Поставлю забор повыше и выкопаю колодец. А то из общего воду таскать как-то не очень, вдруг инфекция какая или ведро грязное. А кстати, сколько будет стоить выкопать колодец? Она даже обрадовалась, что можно скоротать время с пользой. Слава богу, под рукой Интернет, и до обеда есть еще целых полчаса.

Альбина открыла Яндекс, и он сразу ее стал перекидывать то туда, то сюда по мировой паутине. Баннеры мигали и крутились, ленты светских новостей пытались всех шокировать и затянуть в свой бессмысленный круговорот.

Наконец, ей удалось найти несколько фирм, которые копали колодцы. И не просто копали, они готовы были взяться за работу любой сложности со стопроцентной гарантией, строго соблюдая все назначенные сроки. И вот удивительная вещь – стоило это совсем недорого.

«Это хорошо, – думала Альбина, – что недорого».

За обедом она лениво ковыряла вилкой несоленые макароны. Ее девицы почему-то в столовую не пошли. Нелли обедала, где-то в кафе неподалеку, наверно, с Жаннкой.

Альбина все время думала, о том, как она сидит на веранде своего дома, и хочет выпить чаю с конфетами и у нее нет воды и она зовет мужа и просит его принести ведро колодезной водицы или даже два. Альбинин муж за последние годы отрастил себе большой живот и не слишком любит физическую работу. Он без огромного желанья, но безропотно несет ведро, щедро расплескивая водицу по дорожке.

Было решено собрать всю информацию и разузнать о колодцах подробно. У Альбины без всякой премии должен быть новый колодец, и тогда она будет пить вкусный чай без остановки.

5.

Альбина вернулась в свой кабинет. Все ее соседки сидели на местах и над чем-то дружно смеялись. Она невольно вспомнила про поставленную перед ней задачку и утреннее происшествие. Ей стало неприятно.

«Сейчас в кабинет вломится Жанна и у меня будут новые проблемы».

Тут Альбина заметила на своем столе новые документы, видно, кто-то из секретарей принес их и положил, пока она обедала. На бумагах была приклеена ярко-розовая записка: «это срочно». У Альбины было одно правило: документы должны отлежаться, недолго – день-два. Ну, не бросаться же в бой сию секунду! Так только неопытные поступают. Она хорошо усвоила на собственном опыте, что такая производственная пауза является вполне законной, а порой даже необходимой, ведь часто бывает так, что-то изменится: донесут недостающие квитанции, и тогда можно будет взяться за работу и сделать все за один раз.

И потом, если на отчет «наброситься» вот так сразу, то у других может сложиться впечатление, что тебе совсем нечем заняться, и ты большую часть времени сидишь в ожидании, то есть простаиваешь. А такого быть не должно.

Альбина хотела убрать его в тумбочку, но почувствовала, что-то странное. Проскользнуло в душе какое-то нехорошее предчувствие, легкое и мгновенное, как мышонок. Она поняла, что с этим отчетом что-то не так. Ядовитая записка-стикер мозолила глаза, и Альбина все же оставила отчет на столе. Ее успокоило только то, что он был тоненький. «Не займет много времени. Быстренько сделаю и снова залезу в Интернет», – подумала про себя Альбина.

Три листа приложений к отчету некоего Дрезинского, а это был отчет Дрезинского, были заполнены железнодорожными билетами на фамилию Гуревич.

«Кто же такой Гуревич?» – подумала Альбина. Она, не тратя время, проверила фамилию по базе отдела кадров, но там такой не значилось.

Альбина обрадовалась и огорчилась одновременно – опять трудности, или как говорила одна ее знакомая бухгалтер – опять «вкусняшки». Альбина тяжело вздохнула и решила написать письмо, уважительное, но строгое.

«Уважаемый г-н Дрезинский!

Нами получен отчет на транспортные расходы, однако, в приложении все железнодорожные билеты на фамилию Гуревич. Пожалуйста, поясните, кто это?»

Конечно, если подумать, можно было бы просто позвонить его секретарю или вообще молча вернуть неправильный отчет в ящик для корреспонденции, и не тратить время. Но Альбине после неприятного происшествия естественно захотелось проявить свои деловые качества, чтобы всем были видны результаты ее труда.

Буквально через секунду, так показалось Альбине, ну, максимум две, пришел краткий ответ: «мать жены».

«Свекровь, стало быть», – догадалась Альбина, сморщив нос, и тут же испугалась оттого, что поступила опрометчиво, она же могла разозлить этого человека своим нелепым вопросом. Ведь если ему оплачивают проезд на входные дни, значит, он не простой сотрудник, а скорей всего – важный человек, а если ему оплачивают проезд в выходные дни матери жены... он очень важный человек. А с другой стороны, откуда ей знать, кто такой, в смысле, кто такая эта Гуревич! И как определить, что именно она мать его жены.

«Хорошо, это мать жены, – попробовала поразмышлять про себя Альбина. – А жена Дрезинского, тоже Дрезинская? Если нет, то она тоже должна быть Гуревич. Хотя это не обязательно, у матери жены может быть какая угодно фамилия, например, по второму мужу или даже девичья. Это не имеет значения. Кстати, а жена Дрезинского работает у нас в организации или нет?»

Проверить было несложно. Оказалось, не работает.

«Что же мне делать? К Жанне идти сейчас нельзя, она наверно, еще не отошла от утренней истерики. А этот случай, по всей видимости, особенный, если не сказать выдающийся. И мне обязательно нужно с кем-то посоветоваться. Будет очень некрасиво, если я приму документы у этого человека и выпишу ему перерасход по отчету, а потом выяснится, что я нарушила внутреннюю инструкцию или даже Закон. Вряд ли в положении о командировании, которым руководствуются все сотрудники в фирме, сказано – оплачивать железнодорожные билеты всем свекровям. Нет, там такого точно нет».

Альбина решила спросить это прямо у г-на Дрезинского: «Должны ли мы оплачивать Гуревич подобные расходы?»

На что снова получила быстрый и, как ей показалось, слегка недовольный ответ: «об этом уже сто раз спрашивали».

Альбина забеспокоилась, ведь он ее явно с кем-то путает.

«Почему нельзя ответить по-человечески? Ведь если бухгалтер что-то спрашивает, значит ему это нужно для оправдания расходов, а не от праздного любопытства, – возмущалась она. – Вот так всегда – нас бухгалтеров воспринимают, как обслуживающий персонал, по типу секретарей, которые любят сплетничать и обсуждать что ни попадя без особой нужды. А мы – не такие».

Альбина решила ответить, снова вежливо и по-деловому: «Я работаю недавно, мне, к большому сожалению, об этом ничего неизвестно».

«Ну, тогда обратитесь в отдел кадров. В моем трудовом контракте есть особый пункт».

Альбина даже обрадовалась, что все так быстро прояснилось, и отправила запрос в отдел кадров: «Пожалуйста, уточните, должны ли мы оплачивать билеты для Гуревич». Сначала она хотела написать «матери жены Дрезинского», но потом передумала и решила действовать по правилам, чтобы это письмо можно было подшить к отчету, как оправдание и как результат ее честного труда. Иначе получается, что будто бы сама Альбина предлагает оплатить эти несчастные билеты для Гуревич, на самом деле не имея представления, кто она такая. А что, если окажется, что она никакая ни свекровь или, к примеру, бывшая свекровь. Ведь, кстати сказать, такой мужчина может себе позволить несколько жен и несколько свекровей... Да-да, несколько.

Ответ пришел быстро, точнее это был вопрос от отдела кадров: «Кто такой Гуревич?»

«Э-э, нет, этого я вам не скажу, – подумала Альбина, – Это вы мне должны ответить, кто такой Гуревич, чего и сколько мы должны ему (или ей) оплачивать».

Альбина поняла, что ей ни в коем случае нельзя останавливаться, и обязательно что-то ответить, иначе переписка заглохнет и стало быть, проблема ляжет в дальний ящик. Она решила, чтобы не перегибать палку и не вмешиваться, так сказать, в личную жизнь важного человека, она напишет еще один мэйл, уточняющий ее первый запрос: «Подтвердите, есть ли в контракте Дрезинского особенный пункт об оплате проезда в выходные дни?»

Ей пришел ответ: «Компания оплачивает два раза в год проезд Дрезинского и членам его семьи».

«Ну, вот, совсем другой разговор! Все-таки оплачивает, и не кому-нибудь, а всем членам семьи. Уже лучше. А кого можно считать членами семьи?»

«Кто считается членами семьи?» – написала обратный мэйл Альбина.

Но менеджер отдела кадров не стала утруждать себя таким трудным вопросом, она переслала это своей начальнице, директору по персоналу.

«Пожалуйста, ответьте на вопрос бухгалтерии».

Альбина начала догадываться, что сама того не подозревая, оказалась в центре бумажной заварушки, и мало того, она во всей этой длинной переписке выглядит не слишком умно, примерно, как неопытный стажер, у которого ничего не получается, и он без конца лезет с пустыми вопросами, отвлекая всех от дел.

На этот раз ждать ответа ей пришлось долго, видимо, она поставила неудобный вопрос перед отделом кадров. Альбина сидела, как на иголках. Ответ от директора пришел через полчаса, однако не только ей, в копии рассылки стояли сам господин Дрезинский и что самое неожиданное Альбины начальница – Жанна, чтоб и они тоже были в курсе. В мэйле говорилось: «контракт Дрезинского, действительно, содержит пункт, в котором мы гарантируем оплату билетов для членов его семьи, т.е. для близких родственников».

Альбину это последнее сообщение совсем не порадовало и даже разозлило. Ведь это письмо не отвечало ни на один, поставленный ею вопрос. «Меня не волнуют какие-то абстрактные „члены семьи“, мне нужно знать, оплачивает ли компания билет для родственницы Дрезинского по фамилии Гуревич, и как мы можем проверить ее фамилию. Какие я должна требовать доказательства?» Но спросить это напрямую у директора по персоналу она, конечно, побоялась. Альбина решила, будь что будет, и переправила письмо с копией всем предыдущим лицам, в юридический отдел с вопросом: «Подскажите нам, пожалуйста, кто считается членами семьи».

Юрист ответил коротко и однозначно: «Члены семьи, согласно Семейному Кодексу, это муж, жена и несовершеннолетние дети».

Альбина торжествовала. Ей удалось одержать небольшую победу, ведь она не зря потратила время на это расследование. Теперь она уже не выглядела такой неверующей, а скорей наоборот, ответственным и непреклонным бухгалтером.

Она написала всем: «Уважаемые коллеги. Согласно Семейному Кодексу мать жены не является членом семьи, стало бы, билеты для свекрови Дрезинского не могут быть оплачены».

«Вот так, пусть знают, кто здесь прав».

Почти сразу пришел грозный ответ от Дрезинского. Он обращался к Жанне:

«Жанна, где вы взяли такую бухгалтершу, которая мою тещу назвала свекровью? PS: от Вас я жду быстрого решения вопроса, в противном случае я вынужден буду сообщить об этом господину Зигу. Мне все это надоело».

И тут выступила Жанна, которая, конечно же, всегда внимательно следила за всякой перепиской. Она вновь написала по-английски, опять также кучеряво «уважаемые коллеги, заранее благодарю», но в этот раз Альбина хорошо поняла точный смысл сказанного. Она просила прощения у г-на Дрезинского за беспокойство. Далее она обращалась к Альбине, где советовала ей не тратить время на ненужные выяснения, так как мы всегда оплачивали, и будем оплачивать билеты для тещи Дрезинского, поскольку она является членом его семьи. Дальше Жанна писала: «Я благодарю все отделы за участие в обсуждении, и что проблема решилась так быстро. Сегодня же отчет Дрезинского будет посчитан и оплачен. Простите за inconveniences, Вам доставленные».

Заумное слово вертелось в голове, но Альбина забыла, как оно переводится, и она даже не поленилась, залезла в словарь. Inconveniences – это неудобства.

«Получается, что Жанна просит прощения, то есть, грубо говоря, одалживается у других начальников из-за меня, только из-за меня. А я во всей этой истории всего лишь неудобство? Вот так растяпа!», – думала Альбина.

Альбина не стала отвечать, потому сильно расстроилась.

«А вдруг он и в правду доложит о моем промахе нашему директору, господину Зигу! Нет, мне не хотелось бы, чтобы этот важный человек тратил свое время на такую ерунду. Он, наверно, будет зол. Поговаривают, что он – жуткий зверь, ругается часто и зря. И еще он увольняет своих секретарей, как старые перчатки. Попала под руку – собирай вещички. Хотя это просто чужие слова, слухи, которые неизвестно, кто и зачем распускает. Скорей всего, эти разговоры про его тяжелый нрав сильно преувеличены. Мало ли завистников кругом. Я думаю, он – не зверь, просто он трезво смотрит на жизнь. Ему с высоты его положения должно быть видно многое, даже то, о чем мы и не подозреваем в наших, с позволения сказать, кабинетах. Ему известны любые самые навороченные цифры и финансовые результаты: прибыли-убытки и всякое такое. Поэтому у него есть особое право – урезать бюджет, сократить финансирование или даже уволить кого-нибудь. Просто уволить. Раз – и нету».

Лично мне господин Зиг понравился. И даже как мужчина. Он невысокий, сбитый такой, слегка лысоват, но это даже хорошо, у таких, говорят, много тестостерона. Конечно, Мадам Зиг с этим повезло. И походка у него спортивная, некоторым молодым растяпам не мешало бы подучиться. Еще у него пронзительный взгляд и широкая улыбка, не добренькая, а такая, как должна быть у президента. Помню, как на собеседовании он один раз мне улыбнулся».

Неожиданно распахнулась дверь и в кабинет вошла Жанна. Альбина вздрогнула, и, увидев начальницу, испугалась так, что вся сжалась и опустила голову в стол, можно было подумать, что она ждет от нее удара, поскольку знала, когда все слова сказаны, то в ход идет грубая сила.

Жанна остановилась посреди кабинета и громко сказала:

– Девочки, у меня для вас важное сообщение: завтра все должны, как штык, быть без пятнадцати девять в ресторане «Парижская осень». Там будет проходить пресс-конференция нашей уважаемой гостьи из Америки, госпожи Мадлен. Все в курсе?

Альбина выпучила глаза от удивления. Нет, она, конечно, знала о визите, но совсем не думала, что туда пригласят простых бухгалтеров.

Что за трудный день сегодня, – подумала Альбина. – Сплошная суета.

– Просьба не опаздывать, – бодренько сказала Жанна, – И не забыть заготовить несколько вопросов от нашего отдела.

Все молчали, переваривая эту важную информацию.

– Я лично проверю перед конференцией, о чем вы собираетесь спросить нашего директора.

Альбине опять стало плохо.

«Это провал, – подумала она, – все услышат мой кошмарный английский!»

– А сейчас можете расслабиться, – Жанна ласково, даже по-доброму улыбнулась. – Я – в Налоговую. – Она сказала это с таким выражением, будто «налоговая» на их конспиративном языке означало не меньше, чем ночной клуб для женщин. А потом Жанна развернулась в Альбинину сторону, удостоив и ее внимания. – Не забудь выписать деньги для Дрезинского. – И с этими словами она удалилась.

Альбина по-прежнему сидела на своем месте пришибленная, как беженка, боясь даже вздохнуть.

Девчонки загалдели: вы знаете, госпожа Мадлен – она самая-самая высшая власть, выше некуда. Альбина прислушивалась к разговору, ведь ее это тоже касается, ведь она – тоже член коллектива, потому, что она была принята в штат с трудовой книжкой и окладом и все такое. Но ее никто не подпустит к госпоже директору. Ее, простую бухгалтершу, да еще и на испытательном сроке.

Тут две Альбины коллеги стали упрашивать Нелли придумать вопросы:

– Нель, ну пожалуйста, спасай! Наш отдел не должен упасть в грязь лицом. Нужно придумать самый лучший вопрос, а иначе и так все думают, что бухгалтерия – обслуживающий персонал. А мы – нормальные, мы такие же, как все.

Они, очевидно, хорошо знали гордую Нелю, ее напористость и деловую манеру. В общем, они знали, на что нужно надавить, чтоб убедить ее.

– Хорошо, – недолго думая, согласилась она, – мы должны всем показать, – она сделала паузу, и подчеркнуто добавила, – И доказать, что мы не хуже, а, может быть, даже лучше других отделов. И вообще, всегда серьезно относимся к своей работе.

Альбина, наконец, облегченно вздохнула. Ей конечно, как новенькой, не доверят такое ответственное задание. Не очень-то и хотелось!

Успокоившись по поводу Жанны, остаток дня она провела в Интернете. О, счастье – здесь неограниченный трафик и вообще, хочется верить, что за этим не следят.

Альбина выясняла, сколько будет стоить колодец и все, что с ним связано: доставка колец, вывоз песка и так далее. И кого же ей все-таки повыгодней нанять на копательные работы – фирму с эффектным Интернет сайтом или частных из Пскова. И как, в конце концов, ей проверить результат – количество и качество воды? А что если приедут эти так называемые частники-любители, выкопают глубоченную яму, а воды там никакой нет?

Она несколько раз выходила в коридор, прихватив под мышку пару бумаг для маскировки, а на самом деле украдкой звонила с мобильного по объявлениям и выясняла все эти такие трудные вопросы.

День закончился удачно: Альбина, наконец, приняла решение и остановилась на фирме. Кажется, она называлась ООО «Ключ».

«Все-таки солидная компания, ООО, – думала она. – Сделают все чисто, профессионально».

На следующее утро Альбина, не заходя в офис, отправилась на пресс-конференцию (подумать только!) американского директора Мадлен. Небольшой конференц-зал был оформлен по-деловому, строго. Все-таки это была встреча на высшем уровне.

Мадлен вошла в зал, когда все сидели в ожидании. Она даже не вошла, она стремительно ворвалась, влетела, окруженная охранником и своим помощником из Парижского офиса.

Решительная прямая и даже резкая, она вышла на маленькую сцену и развернулась к залу. Она, конечно, давно привыкла к дальним перелетам и выступлениям. Альбина подумала: «Это даже не железная леди, у Маргарет Тэтчер все же милое лицо, строгое, но женственное».

Лицо Мадлен было сосредоточенно строгим. Ее пышная прическа, здоровенная копна волос засветилась в софитах фиолетовым. Она остановилась и посмотрела в зал. Зал притих, только задние ряды еще перешептывались. Мадлен поздоровалась низким грудным голосом, голосом знающей себе цену актрисы, и поблагодарила организаторов за хороший прием.

В этот момент местному электрику вдруг захотелось включить еще одну лампу. Ему, очевидно, показалось, что гостью не слишком хорошо видно. Альбина вдруг подумала, что в этой обстановке, в полутемном зале, фиолетовый луч делает ее похожей на гадалку.

Мадлен прищурилась и закрылась рукой от вспыхнувшего прожектора:

– Выключите этот свет, – нервно сказала она, – Я ничего не вижу.

Электрик ее слов не понял. Не то он был в наушниках, не то подчинялся только своему начальству.

Она снова недовольно поморщилась и резко сказала:

– Можно как-нибудь это убрать?

Зал слегка загудел, и несколько человек даже встали со своих мест и тихонько подошли к электрику, который всегда ответственно выполнял свою работу, но, возможно, просто не знал английского.

Когда софиты выключили, Мадлен облегченно встряхнула руками и вытянула шею.

Альбине очень понравилось, как она скомандовала, у нее самой так никогда бы не получилось. Так жестко, и вместе с тем так естественно.

Альбина окунулась в английскую речь, чистую и звучную, как лесной родник. Она даже слегка развалилась в кресле, внимательно разглядывая уважаемую гостью. Ее понесло по волнам: Альбина то вслушивалась в американское произношение, то погружалась в свои мысли. Как она опишет мужу, что у них сегодня было на работе? Что она расскажет про Мадлен?

«Это яркая женщина. Уверенная, статная. У нее абсолютно прямая спина и нет мешков под глазами даже в девять утра. А может быть даже у нее никогда не болит голова? И дети ее хорошо учатся и, конечно же, никогда не болеют».

От этой мысли Альбине стало грустно. Все-таки с головной болью еще можно справиться, как с усталостью и лишним весом, как с ворами на даче и нерасторопностью мужа. Но как же трудно справиться с чувством безысходности, когда болеют дети! Как никогда и ни с чем.

«Мадлен, сделай так, чтобы мои дети не болели, и свекровь не устраивала сцен. И еще чтобы муж не храпел по ночам, и хоть немного бы похудел. У него такой круглый живот, и еще одышка, вены и давление».

Директор говорила практически без остановки об улучшении отношений, о росте и развитии бизнеса. Альбина давно уже потеряла главную мысль, до нее долетали лишь отдельные обрывки и окончания фраз, которые у американцев принято слегка затягивать, отчего они звучали чуть более понятно: Customers, global companies, your opportunities и our flexibilities.

Альбина снова погрузилась в раздумья:

Вот ведь какая вещь получается: вроде бы, все одинаково начинают. Одна на всех школьная программа, общие примеры и лабораторные опыты, кросс по стадиону общий. Один на всех. Но почему-то через двадцать лет после окончания той самой школы мы все такие разные. Одни ломают голову, в какую страну еще съездить, чтобы посильнее, так сказать уди-

виться, а другие едва концы с концами сводят, и радуются разве что неожиданной годовой премии-подачке в пятьсот долларов, как чему-то действительно чудесному. Ведь ясно, что с ними не разбогатеешь, а через полгода ни за что не вспомнишь, как их потратила.

Замкнутый круг.

Мадлен, Мадлен, если бы ты знала, как нам здесь нелегко!

Директор вышла из-за трибуны, чтобы можно было свободнее двигаться и жестикулировать. И теперь все могли ее хорошо рассмотреть. Мадлен была высокая и очень худая, как балерина. На ней был васильковый костюм – прямой пиджак и брюки-дудочки. Все это, наверняка, стоило целое состояние. Нет, костюм не подчеркивал ее тонкую талию, или не дай бог грудь. Он даже слегка великоват, но при этом сидел хорошо и хорошо смотрелся.

Тут Альбина подумала, что у такой женщины должно быть множество дорогих украшений. Но почему на ней ничего не видно? Правильно, пусть все будет строго – не нужно отвлекаться. Здесь нет мужчин и женщин, есть руководители, и еще много амбиций, много ответственности.

Альбина снова представила, как вечером они сидят с мужем на кухне, и она рассказывает о Мадлен:

«Это женщина, у которой есть все, даже собственный самолет. Женщина, которая выше любого мужчины в плане власти и денег, по крайней мере, в этой корпорации из четырехсот тысяч человек в двадцати странах мира. И хоть она – не Мадонна, и не Бритни Спирс, которых постоянно вспоминают по телевизору в „Звезды зажигают“, но выглядит она на все сто. Ну, просто голливудская звезда».

Подумать только, она прилетела на один день, специально к ним на фирму, чтобы провести эту конференцию, потом сфотографироваться и уехать.

Ах, Мадлен!

Альбина смотрела на нее с восхищением.

«Мадлен, расскажи нам наше будущее. Что было, что будет и чем сердце успокоится...»

И тут Мадлен сделала какой-то неожиданный жест левой рукой, подняв ее на уровне головы и развернув тыльную сторону ладони ко всем. Красивый такой жест, плавный и даже в чем-то убедительный. И на среднем пальце ее руки вспыхнул огромный перстень. Он засверкал так эффектно, будто бы местный электрик незаметно подключил к нему свои проводки. Альбина попробовала пересчитать камни, но сбилась, то ли по шесть в три ряда, то ли по семь в четыре... Ей казалось, что весь зал даже замер заворожено, уставившись на руки Мадлен, так это было неожиданно, точно волшебство в цирке – то ничего нет, а то – пожалуйста. А потом Мадлен сделала паузу в своем выступлении, и чуть наклонившись, посмотрела в пол, и поправила обеими руками прическу, спрятав пряди волос за уши. И когда она подняла голову, все увидели, что ее серьги были такие же огромные с несметным количеством сверкающих бриллиантов. И Альбине захотелось ахнуть: «Как это красиво! Как божественно!» А потом как по заказу Мадлен резко опустила и затем подняла правую руку, и все увидели золотые часы. Они сползли по худой загорелой руке на запястье и застыли, как новый, еще более эффектный фокус иллюзиониста. Часы были изящные, но, безусловно, очень дорогие.

Альбина невольно вспомнила свою школу. Она родилась в простой семье и училась в простой школе, никогда не занималась с частными репетиторами или какими-то супер учителями. Школа, как школа. А что Альбине? Ей лишь бы к доске не вызывали, да побыстрее уроки свои заканчивали. Действительно, не было такого урока, чтобы Альбине не хотелось поторопить время. Она даже выпросила у мамы часы, овальные такие часики «Слава» с красным циферблатом. Она прятала их под рукавом школьного платья, поскольку украшения в школах тогда были запрещены, и часы, странным образом тоже. Альбина, конечно, рисковала, но ее выручало то, что она никогда не выставлялась и вообще старалась держаться тихо, как мышь. Она

украдкой, просунув руку под парту, подглядывала за временем, и всякий раз удивлялась, как медленно тянутся минуты до окончания урока и как после звонка все вдруг взрывается от свободы и ускоряется. И все куда-то бегут...

Бегала Альбина плохо. И все же, благодаря особой женской живучести, она научилась подстраиваться под обстановку и ни с кем не конфликтовать – не трогайте меня, и я не буду трогать вас, в смысле, жаловаться. Такая у нее была аксиома, сама по себе довольно правильная.

Нет, в целом, все было нормально. Альбину даже взяли в девятый класс, обычно ведь кого попало туда не брали, а только тех, у кого, как бы это сказать, уровень выше среднего, чтобы не занимать чужого места и в будущем попробовать поступить в институт и не испортить годовую отчетность для РОНО. Бывало в те времена, завуч с классным даже ходили по квартирам, разговаривали с родителями: то да се – не надо вашему сыну в институт, не тот уровень...

Намного позднее Альбина будет вспоминать школьные годы с легкой грустью, как это принято называть. В сущности, ведь молодость удивительное время.

На самом деле, в школе было бы вообще здорово, если бы не один момент – учителя, впадающие по пустякам в ярость: «Вы ходите в грязной обуви по школе, и тем самым позорите светлую память отцов и дедов, не вернувшихся с войны» или «из вас никогда не получится настоящих людей, потому что вы – лодыри и бестолочи». Такие бывали нелепые, совершенно абсурдные выводы, с которыми не знаешь даже, как и поспорить. Впрочем, тогда этого делать никто не собирался. Это сейчас демократия и все такое. И каждый первоклассник знает, что настоящий человек запросто может быть лодырем, а некоторые из них даже гордятся тем, что мало работают, но при этом очень даже безбедно живут.

Да и вообще, сейчас все по-другому. Разве можно сравнивать...

В финале конференции, как и объявили заранее, Мадлен ответила на все вопросы собравшихся. Нелли пришлось долго тянуть руку, и наконец, она получила слово. Она встала с места, одернула свой строгий жакет, сидевший и без того ровно, и не скрывая волнения, задала свой вопрос, что-то из серии, почему для западных компаний привлекательны инвестиции в России.

«Странный, конечно вопрос, – подумала про себя Альбина, – каверзный, можно сказать. Ведь и так ясно – они едут сюда делать большие деньги, потому, что в Европе и Америке делать больше нечего. Это сейчас каждый клерк знает».

Мадлен поблагодарила ее за вопрос, и даже, как показалось Альбине, обрадовалась, поскольку эта тема подводила итог, логически обобщала все ее большое выступление. Мадлен конечно из тех, кто за словом в карман не полезет, она знала все ответы на все вопросы. И она сказала, что за Россией будущее, потому что здесь – глубокий потенциал, и потенциал этот заключается в энергии молодых людей и несметных богатствах полезных ископаемых. И все ей заплодировали, а Нелли была очень довольна, словно бы Мадлен похвалила лично ее.

7.

Днем позвонила Альбининой подружка Катя. Она сказала:

– Я дала твой телефон менеджеру по пылесосам. Ты не переживай, приедут, покажут презентацию супер-мега-ультра техники – приберутся в квартире, почистят ковер и диван совершенно бесплатно.

– Катя, это, какая-то афера. Так не бывает!

– Я тебе говорю, я все время так делаю! Ко мне они уже три раза приезжали.

– И что?

– Ничего. Почистили. А я им – спасибо, и до свидания.

– А они?

– Ну, они же все понимают: они рекламируют дорогую вещь, на которую у тебя денег нет. Посмотри на себя!

– Зачем же тогда они это делают?

– Просто им нужно выполнять план. Такая работа.

– Не знаю. – Альбина все еще сильно сомневалась. – Я подумаю.

– А что тут думать? Тебе ведь наверняка некогда убираться в квартире. Соглашайся!

– Не то слово, некогда! Я с работы в одиннадцать прихожу, – жалобно сказала Альбина.

Назавтра вечером она вернулась с работы около восьми. В дверь позвонили, она пошла открывать. На пороге стоял странный человек с загорелым лицом, словно только что с морского пляжа. Мужчина средних лет, а точнее около пятидесяти, был похож на актера мистера Бина. У него был крупный некрасивый нос и миндалевидные бегающие глаза, стрижка ежиком и какая-то чересчур подвижная мимика, словно невидимые простому человеку пылинки в воздухе ему постоянно мешали. Альбина посмотрела на него строго. Менеджер был одет как приезжий или командировочный из другого города – горчичный костюм, желтая рубашка, желтый галстук и черные ботинки. В руках у него ничего не было, только распухшая барсетка под мышкой, плотно набитая непонятно чем.

– Здравствуйте, – манерно улыбаясь, сказал человек. – Пылесосы «Кирби», – и кивнул головой.

Голос у него был неприятный, дребезжащий, как старая бензопила. Альбина придержала дверь, и ей показалось, что ее рука, связанная с невидимым центром страха сейчас захлопнет ее перед носом незнакомца. На всякий случай. Кто его знает, по телевизору теперь только и рассказывают про мошенников и грабителей.

Она сразу сообразила: «В его кокетливой сумочке поместится разве что рекламный буклет, а убирать-то кто будет?»

– А где пылесосы? – спросила Альбина. Ей было и вправду любопытно узнать это. Ну, в самом деле, захлопнет она дверь, и потом весь вечер будет ломать голову, кто же к ней приходил.

– Пылесос остался в машине, – сказал мистер Бин. Я звонил вам снизу, вы не ответили на мой звонок, вот я и решил проверить, есть ли кто дома.

– Я подтвердила сегодня утром, что буду вас ждать.

– Так это были мои маркетологи, а то я, – он открыл сумочку и протянул Альбине диск. – Вот возьмите, включите и ознакомьтесь пока я схожу за «Кирби».

Альбина широко открыла дверь, дальше сопротивляться было глупо, ведь сама же сказала: «буду ждать».

Фильм был чем-то похож на ролик из магазина на диване, может быть, его сняли для какого-то американского канала, а потом предприимчивые русские привезли все это в Москву. На экране весело играла музыка, все крутилось и мигало, по красивому особняку ходили длинноногие девы и, улыбаясь, повторяли как заклинание «Кирби-кирби-кирби».

Альбина посмотрела десять минут, и нажала на паузу. Мистер Бин к тому времени уже вернулся, распаковал свои коробки и начал сборку вожденной машины. Пылесос не выглядел, как пылесос. Это была газонокосилка, мини электростанция или неведомый робот со сверкающим панцирем. Оказалось, он может сам ездить, как детский электромобиль. Аппарат выглядел внушительно, подобно старому доброму «Коделаку», в котором даже незначительные детали были полностью железные и хромированные, потому, что тогда их еще не успели заменить на пластмассовые.

– Одиннадцатая степень фильтрации, – сказал деловито менеджер, включив аппарат в розетку.

– Угу, – ответила Альбина, не имея представления, что это означает.

– Кстати, вы не связаны с фильтрацией? – спросил неожиданно он, качая головой, как старый профессор.

– Сори? – почему-то нелепо спросила Альбина.

– Ну, по работе.

– Нет, не связана, – ответила Альбина, вжавшись в спинку дивана.

– Это предпоследняя степень, – и он опять покачал головой. – «Кирби» задерживает молекулы табачного дыма и мельчайшие радиоактивные частицы. Всего существует двенадцать степеней фильтрации. Последняя – космическая. Это нужно на орбите, чтобы уберечь приборы от пыли. Но здесь, – он хотел добавить на Земле, но потом передумал, – Конечно, она не уместна.

– Почему? – оживилась Альбина, – Может быть, я за свои деньги хочу получить космическую фильтрацию! Да, меньше мне не надо!

– Как вас звать? – вдруг спросил менеджер.

«Ну вот, началось! – подумала про себя Альбина. – Я хотела его просто обрезать, а не вступать с ним в диалог. Надо бы держаться поостороже. Больше всего не люблю, когда незнакомые мужики, на самом деле без надобности, спрашивают, как вас звать. Как будто от этого что-то изменится».

– Альбина, – строго, но вежливо ответила Альбина.

«Сейчас он обязательно скажет: «Альбиночка, обратите внимание...»

– Альбиночка, – по-кошачьи улыбаясь, запел мистер Бин, и теперь он не был похож ни на актера, ни на профессора, а только на торгаша. – Я вас уверяю, это высшая степень очистки, военная технология, понимаете? Хоть и одиннадцатая.

Альбина подумала: «Пришел чистить ковры, так чисти. Мне некогда разговоры говорить. Скоро вернется мой Валера, и ему все это точно не понравится».

Бин будто бы прочел ее мысли, он сосредоточился и начал презентацию. Мотор издавал легкое дребезжание, похожее на голос менеджера, занудное, но негромкое. Это было любопытно, как машина ожила и поехала, жадно поглощая сантиметр за сантиметром невидимую пыль, а на другом краю ковра сама остановилась, автоматически включив, один из своих системных тормозов. Мистер Бин прошел за ним отработанным вальжным шагом, чтобы развернуть машину. И тогда умная машина поехала назад по следующей полосе, оставляя за собой перевозданную чистоту. А на лице Бина читалась гордость, и какая-то даже самодостаточность, которая встречается у профи, знающих себе цену.

Старинный ковер, доставшийся Альбинуному мужу от бабушки, был вычищен до блеска, если можно так выразиться. Да что скрывать, он стал, как новенький. Альбина невольно подумала: «Какая умная машина. Пока мы ужинаем после работы и делаем с детьми уроки, она здесь все тихо уберет. Сколько же стоит это чудо техники? Наверно, тысячу долларов. Бешеные деньги».

Мистер Бин умелым движением расчленил машину на части, чтобы показать Альбине результаты труда: специальную стеклянную коробку, заменяющую мешок для сбора пыли на показах. Там был, наверно, килограмм. Альбина ахнула.

«Он специально так делает, чтобы мне было стыдно, – подумала Альбина. – Давит на сознание, в смысле, на мою сознательность».

– Вы, что, вообще тут не убираетесь? – брезгливо спросил Бин, одной рукой протягивая Альбине стеклянную коробку, а другой стряхивая пылинки со своего желтого костюма.

– Я работаю... – пространно ответила Альбина.

– Принесите мне ваш пылесос, – скомандовал Бин.

– Он упакован, – соврала Альбина. Ее пылесос был сломан, и чинить его было некому.

– Я должен вам кое-что показать.

– Мне все понятно – вы покажите мне, что ваш пылесос лучше, чем мой, я знаю. Это и так ясно. Если хотите, я согласна с этим заранее.

– Нет, принесите!

Альбине все это было неприятно. Дети в соседней комнате занимались уроками, муж должен был уже вернуться с работы, но почему-то задерживался. А тут этот незнакомый человек, такой настойчивый...

– Я не хочу, – ответила Альбина чуть громче.

– Вам что, трудно?! – прикрикнул мистер Бин.

Альбина посмотрела на часы: «Почему же Катька не сказала, сколько эта бодяга займет времени? Он уже здесь больше часа торчит».

– Мне не трудно, я просто не хочу.

– Но вы должны, – видно, менеджер так хотел убедить Альбину, что повысил голос и чуть не сорвался на крик.

В коридоре хлопнула дверь, вошел Валера. И должно быть услышал мужской голос и сразу заглянул в комнату.

– В чем дело? – строго спросил муж.

– Валера, ты не беспокойся, у нас презентация американского пылесоса.

Он смотрел на менеджера с недоверием.

– Здравствуйте, – сказал мистер Бин, улыбаясь, и протянул руку.

Валера подумал секунду, потом тоже протянул и пожал его руку.

– Я хотел бы, чтобы все было в рамках правил, – сказал он.

– У нас все хорошо, все хорошо, – улыбаясь, сказал менеджер. – Я только собирался показать, как обычные пылесосы выдувают обратно воздух с пылью, а наш пылесос все оставляет у себя в уникальном шестислойном мешке. Военная разработка...

– Я не хочу, – снова сказала Альбина.

– Видите, она не хочет, – сказал довольный Валера. – Воля покупателя – закон.

Мистер Бин отступил. Валера еще раз взглянул на него строго и пошел на кухню.

– А кстати, – опомнилась Альбина, – а сколько этот, как вы говорите, «Кирби» стоит?

Альбина вдруг поймала себя на мысли: насколько ей не нравится менеджер, ровно настолько ей понравился пылесос. И выглядел он внушительно и убирался хорошо. Но этот щекотливый, и совсем немаловажный денежный вопрос, почему-то был оставлен без внимания.

«Я бы на его месте еще при первом телефонном разговоре сообщала приблизительную цену, чтобы люди знали, что собственно им покажут», – рассуждала Альбина.

– Думали ли вы, – начал издали менеджер, – что «Кирби» можно накачать детский мяч или даже бассейн на даче, перенастроив его как компрессор. Знаете ли вы, что «Кирби» выловит все блох и клещей в вашем диване, даже если вы не подозреваете об их существовании!

– Да вы что! – подыграла Альбина, подумав про себя, опять несет какую-то чушь.

– «Кирби» – это не пылесос, это – экология по приемлемой цене, – сказал Бин, и на этих словах он резким движением достал из барсетки лист бумаги и протянул его Альбине.

Альбина долго изучала столбик с цифрами: 82199, 2999, 7699, ... итого 102000 руб. Первая цифра относилась к самому пылесосу, остальные – дополнительные детали, без которых наверно не обойтись, шестислойные мешки, специальное моторное масло, и какие-то хитрые насадки для сложных случаев.

– Сто две тысячи! – вскрикнула Альбина. – Чокнуться можно!

«Меня же предупреждала Катька: тебе не по карману. На что я надеялась? – негодовала Альбина, и ей вдруг захотелось взять где-нибудь деньги, например, занять у Жаннки и Нелли и кинуть ему, этому менеджеру, в лицо. – Даже если со стороны это будет выглядеть безрассудно, пусть заберет их и не смотрит на меня свысока. Пусть знает, что я не трясусь над каждой

копейкой, лишь бы дотянуть до зарплаты, и вообще привыкла делать по жизни только то, что мне нравится».

Обычные люди не любят такие моменты, моменты истинного разочарования, когда ты должен признать, что очень нужная тебе вещь, слишком дорого стоит. В такие минуты почему-то все сходится воедино – неурядицы и конфликты на работе, провальная карьера, вечное желание изменить и улучшить свою жизнь и такая же вечная классовая ненависть.

– Ну, что такое сто две тысячи? – Бин подошел к дивану, где сидела Альбина и, присев на корточки, стал играть заботливого дядюшку, – Это не слишком много, чтобы ваши дети ходили по чистому ковру и спали на диване, в котором нет ни клещей, ни блох.

Когда он произнес «клещей и блох», его большие глаза наполнились грустью.

Альбина сдержанно молчала.

– Скажите честно, вам понравился «Кирби»? – спросил мистер Бин.

– Да, понравился. Очень, – тихо ответила Альбина.

– А сколько вы могли бы за него заплатить?

– Тысячу долларов, – немного подумав, ответила та.

– Ну, нет, за тысячу вы купите только подержанный через Интернет, сами понимаете, без гарантий, и он может через неделю сломаться.

– У меня нет денег.

– А за пятьдесят купили бы?

– За пятьдесят... не знаю, – Альбина задумалась. – Надо все взвесить...

Альбина была уверена в одном: такая вещь в доме может быть очень полезной, и ее ленивый муж, наконец, начнет хотя бы иногда убираться.

В этот самый момент в комнату вошел Валера и увидел менеджера, сидящего на корточках возле жены, и ему показалось, что они очень интимно беседуют.

– Так, вы еще здесь! – завопил он. – Собирайте свои коробки и вот отсюда. Вам же русским языком сказали – не надо!

Бин, видимо, решил не спорить и быстренько засобирился домой.

– Да-да, побыстрее, уже десять. Детям в школу завтра, вы тут расселись, – при этом он так зыркнул на Альбину, мол, с тобой мы еще поговорим, ведь мне сам черт не брат.

Бин с бешеной скоростью уложил и перевязал веревкой свои вещи и, когда Валера вышел из комнаты, снова вполголоса заговорил.

– Если бы у нас было время... Ведь я не показал и десяти процентов всех возможностей «Кирби». Эх, если бы не ваш муж, вы бы узнали еще столько нового... – он развел руками и покачал головой. – Ведь это не пылесос, это супер-мега-ультра техника. Вы даже не подозреваете, что из него можно сделать фен для сушки волос или, к примеру, домашних животных, а еще выдуватель мусора из клавиатуры, обогреватель для ног и даже массажер для головы.

Альбина открыла ему дверь и проводила до лифта.

– Я позвоню вам завтра, – сказал уставшим голосом менеджер. – Подумайте о пятидесяти, – прокричал он через закрывающиеся двери лифта.

– Хорошо, – почему-то сказала Альбина.

8.

Назавтра утром Альбина немного опоздала. Она поздоровалась с коллегами, и не получив ответа, прошла на свое место и включила компьютер.

Девушки сидели с утренним кофе и бурно обсуждали какое-то омерзительное кино:

– А Соера, ты помнишь? – он же банки грабил с какой-то девахой размалеванной, – вещала радостно Нелли, обращаясь к одной бухгалтерше.

– Вот где парочка сумасшедшая!

– Придурки, одно слово!

– А эта, беременная, вы помните? Хотела ребенка продать и на этой почве у ней крышу-то и снесло.

– Да-да, я как раз на этом месте включила, где она залетела и решила тест на беременность сделать прямо там, на необитаемом острове.

– Умора. – Засмеялась бухгалтерша, развалившись в своем кожаном кресле. – А где же она аптеку-то нашла?

– Это была самая интересная серия, – подметила Нелли.

– А толстяк-то, кажется, умный, чего он в психушке-то оказался?

– Толстый-то этот? Правда, он нормальный был, по жизни: толстый такой. А однажды он на балкон вышел, балкон рухнул и убил своим весом сразу двух человек. Представляете?

Тут подключилась еще одна бухгалтерша:

– Это вы про людей на острове, где все пошло криво?

– Ну, да, – поддакнула Нелли. – А вы знаете, к ним новые люди вчера пришли, в последней серии.

– Ой, как интересно! Это что, еще один самолет рухнул?

– Да нет же, хвост оторвался, а они нашлись.

– Хороший фильм. Да-а.

– А мне кажется, им не надо было эту Анну Люсию убивать. Ранили бы ее хорошенько, чтоб ей мозги на место вправить. И все.

– А видели, как она в позапрошлой серии набросилась на него?

– На Джоэла что ли?

– Ну, да, на него. И давай его сексить. А мужик-то наглый... Ой, а поди, плохо, на необитаемом острове бабы сами секс предлагают.

– Это был ее отец?

– Дык, ты что, вчера не смотрела? Там, где дочь? Вся вот эта фигня со шприцами...

– Там еще сын был другого негра. Они его грохнули.

– Грохнули?!

– Ой, я не буду мужу-то говорить, а то он расстроится. Он-то не знает...

– Негр-то просил: дайте мне лодку...

– Вы слышали, как он кричал? Боже, как он кричал!

– Чудеса: пропускаешь десять минут и ничего не понятно...

Альбина невольно слышала весь разговор, и сразу же сообразила, что коллеги обсуждали ее любимый сериал про необитаемый остров. Он уже давно шел по «Первому», и она как раз увлечена им настолько, что не пропустила не единой серии. Наконец-то Альбина сможет все обсудить и рассказать, что там на самом деле происходит интересного.

Альбина решила без спросу влезть в разговор, хоть это и не очень красиво, но она почувствовала, что ее никто просто так не пригласит в обсуждение.

«Ну что же теперь, сидеть и слушать... Я же вижу, что девчонки ничего не поняли».

– Нет-нет, все было не так, – сказала Альбина, выйдя из-за стола, чтобы ее было лучше видно. – Негр всем наврал. А тех двух теток действительно убили и тайно похоронили. Темная история, конечно. Это был переломный момент в фильме, – она посмотрела на коллег, убедившись, что ее внимательно слушают. – Вы не думайте, я все серии смотрела. Там на самом деле есть тайна. И тайна эта в том, что над островитянами ставят опыты, – она даже вспомнила такое редкое слово, потому, как знала, что людей на острове из упавшего самолета ни туристами, ни тем более пассажирами не назовешь. – Им делают какие-то инъекции, и типа... – Альбина закатила глазам, – и представьте, что ваш самолет упал. А на самом деле, они никуда не летали, им просто делают уколы и берут у них кровь на анализы, примерно, как в психушке, понимаете?

Альбинины коллеги-бухгалтерши недоверчиво уставились на нее, явно обалдев от такого сюжетного разворота.

Альбина даже немного обрадовалась, ведь ей впервые удалось привлечь к себе внимание новых коллег.

«Ну вот, хоть в чем-то я лучше других, – подумала она про себя довольно. – А может быть пройдет немного время и наберу еще „очков“, и мои строгие коллеги зауважают меня, будут обращаться ко мне за советом, начнут прислушиваться...»

– А кстати, там есть другие герои на острове, – сообщила еще одну новость Альбина. – Какие-то не то психиатры, не то ученые. Об этом было коротко в ранних сериях, но почему-то эта линия в сериале развивается слабо. Они ставят эксперименты над этими... туристами, а потом пытаются их излечить.

Тут очнулась Нелли:

– Да ты что, спятила! За кого ты нас держишь? Какая еще психушка! Ты думаешь, что ты несешь!

Альбина поначалу обрадовалась, что может приятно удивить своих коллег, легко разложив все по полочкам, но после этих слов жутко растерялась. Что это, как не агрессия? А она ведь просто хотела поговорить...

– Нет, это точно не психушка, – сказала Нелли. – Их же убивают!

– Ну, правильно, – обрадовалась Альбина, – Убили – значит, вылечили. Мистика такая, – и добавила. – Это теперь очень модно.

Нелли даже встала и тоже вышла из-за стола, как бы навстречу Альбине.

– Я вообще не люблю сериалы, – сказала она, и было хорошо видно, как Нелли злится, хотя чего злиться, когда совершенно ясно, что сама же запуталась в таком простом сюжете. – Я не понимаю, для чего этот бутафорский остров, с непроходимыми лесами, скорпионами и ядовитыми змеями? Просто так? Да? Иллюзия? Сон? – она резким движением поставила руки на свою полнеющую талию и слегка подалась вперед. – И я не понимаю, как такое возможно, чтобы у всех одновременно было одинаково болезненное воображение? – Нелли даже прикрикнула на этих словах.

– Да, они просто в одной клинике находятся, – ответила Альбина, и тоже невольно повысила голос.

– И как же, объясни, их жизни переплетаются? – не отступала Нелли. – Ведь там столько событий происходит! И все это в одной клинике?

– Ну, понимаешь, просто шиза не лечится, поэтому кино получилось непростое. Кстати, там еще много серий, возможно, на несколько лет вперед, – философски заметила Альбина.

– Понятно, – сказала еще более недоверчиво Нелли, и как-то странно сощурилась, поглядывая на Альбину.

Альбина почувствовала, как между ними вдруг повисла неловкая пауза. Нелли высказалась, и поставила жирную точку, своим раздраженным «понятно», девицы молчали, а Альбина не знала, что еще можно добавить к сказанному. Ей показалось, что эта их первая беседа о кино не очень удалась. Наверно, прошло еще недостаточно времени, чтобы вести такие разговоры, и Нелли по-прежнему ей не доверяет. Или просто у них разные вкусы...

Альбина подумала: «Лучше бы я помалкивала. Забыла простое правило – нельзя бежать впереди паровоза. Все должно быть по порядку».

9.

Альбина уткнулась в свой компьютер.

В почтовом ящике был один мэйл от Жанны, даже не мэйл, а повтор предыдущего с краткой пометкой: «this is just reminder for you». Альбина расстроилась. Надо ли отвечать на такое? Конечно, надо, если у тебя все готово, и ты можешь дать вразумительный ответ.

А если нет? Может быть, написать ей: спасибо за напоминание, я сегодня же все пришлю, непременно. Теперь еще один интересный вопрос: можно ли ответить по-русски, если запрос был по-английски, но автор его русский знает? Как тут у них заведено?

«Похоже, мне никуда не спрятаться от грязной работы. Пора начинать сбор этой статистики», – подумала Альбина, потому как она хорошо помнила одно старинное правило: за трудные, необходимые, но не слишком приятные дела нужно браться утром. И не потому, что утром много сил, и ты готов выложиться, чтобы быть первым, тут дело в том, что ты это в принципе сделаешь. Хотя бы на «троечку».

Было решено: пока мало посетителей, и никто никуда не едет, нужно выполнять «задачку».

Альбина загрузила компьютер, там снова мигало Каткино сообщение. Но она себе строго настрого приказала: ничего, кроме важного задания.

Она открыла программу бухучета и сразу же потерялась в закладках. Там было такое множество проводок и всяческих отчетов, что она растерялась. Ведь ее никто не обучал специально. Показали несколько приемов – так, по мелочи.

Она набрала воздуху в грудь и решила обратиться к коллегам.

– Девочки, пожалуйста, помогите мне сделать этот отчет для Жанны.

Девчонки хмыкнули. Две бухгалтерши, конечно, помнили, тот скандалчик, но сделали вид, что не понимают, о чем идет речь. Нелли почему-то расщедрилась. Она с важным видом подошла к Альбине и начала быстро-быстро щелкать мышью, что Альбина не успевала следить за ее действиями. В конце концов, Нелли вытащила какую-то программу на рабочий стол компьютера и сказала:

– Вот, – сказала она. – Все просто. Заходишь в эту иконку, потом в отчет по каждому человеку и считаешь количество.

– Как?

– Ну, не знаю, – сказала она индифферентно. – Можешь пальцем.

Альбина обомлела.

– Но ведь у нас триста человек!

– Ну и что? – снова сказала без интереса Нелля, ведь лично ее это не касалось.

– Кроме того за три, – Альбина задумалась, – нет за четыре года...

– А ты как хотела? – как-то злобно отреагировала она.

Альбина не могла ответить вслух на этот вопрос. Как она лично хотела? Она хотела жить в двадцать первом веке, ездить на красивой машине и жить в большой квартире, работать полдня, и получать столько, чтобы хотя бы раз в год отдыхать на чудесных островах. А должна считать пальцем количество проводок на экране?

– На это целый день уйдет...

Нелли пожала плечами.

– А нет ли какого-то другого... как бы это сказать... способа... побыстрее, – попыталась возразить Альбина, тщательно подыскивая нужные слова.

– Ну, конечно, нет, – ответила она нервно и пошла на свое место.

Неле уже не хотелось тратить время на эту новенькую.

А Альбина тяжело вздохнула и даже забыла сказать спасибо.

Полдня до обеда она провела за «заданием», выкачивая данные по штучно, по каждому сотруднику на экран монитора, потом она считала, как её научила Нелли, и записывала в блокнот фамилии с цифрами, напротив. Получалось медленно, к тому же ей приходилось еще и разделять разные расходы по видам, и сортировать их, чтобы не сбиться в подсчетах. Альбине удалось обработать примерно половину людей только за один год. Она начала ошибаться, так как часто попадались однофамильцы, да еще и с одинаковыми именами, а она пока никого не успела запомнить, и вдобавок цифры рябили и раздваивались перед глазами, забо-

лела голова и жутко захотелось есть. Кроме того, несколько раз звонили инженера и настойчиво требовали рассчитать их отчеты срочно, сегодня же. А потом звонили менеджеры по продажам, им нужно было кому в Лондон, кому в Париж. Они даже повышали голос, мол, документы у вас целую неделю лежат. Альбину это разозлило, она подумала: «Чертовы туристы, вас три сотни, а я одна», – но она постаралась взять себя в руки:

– Будут лежать до тех пор, пока не посчитаю. Ждите!

Пообедав в одиночестве, Альбина уселась снова за свое задание. Оно вроде и не было сложным, но все-таки утомительным, все равно, что с пола пшено собирать по крупинке. Работаешь, напрягаешься, изо всех сил стараешься, а результат выходит более чем скромный. От этих мыслей производительность еще больше упала. Захотелось даже заняться чем-нибудь принципиально другим – перенести что-нибудь тяжелое, увесистое с места на место или вскопать затоптанную грядку, но она приказала себе – все должно быть сделано сегодня. Альбина проковырялась до вечера, не заметив, как быстро солнце опустилось над горизонтом и ее соседки засобирались домой. Она оценила сделанную работу – оказалось много – шесть листов со статистикой. Оставалось меньше половины, но все, же много.

«Посижу еще. В конце концов, это один раз, посижу часиков до девяти и закончу».

В пустом офисе оказалось работать намного труднее. Альбину никто не отвлекал, но никто и не подгонял. В семь она почувствовала усталость, и сходила за кофе, чтобы взбодриться. В верхнем ящике ее стола нашлась подсохшая булочка, оставшаяся с обеда. Это порадовало.

«Эх, какая же я молодец! – размышляла Альбина, потягивая кофе. – А девчонки мои, наверно, в спортклубах, позанимаются и пойдут в сауну, а потом будут отдыхать в мягких креслах и пить апельсиновый фреш... Ничего, скоро и у меня пройдет испытательный срок, и я буду свободным человеком. Займусь спортом, сменю гардероб. А в отпуск поеду куда-нибудь в Европу или, лучше, в Таиланд. Чем я хуже других?»

«Как же давно, я не была на море!» – подумала Альбина. Она решила позвонить кому-нибудь из старых подруг, чтобы немного отвлечься, поболтать про отпуск и узнать, чего там новенького. Сейчас ведь ее никто не услышит.

Она вспомнила Родионову Галю. В последний раз они общались несколько лет назад. Она охотно рассказывала тогда про свою работу, про поездки и путешествия.

– А ты знаешь, – сказала тогда Галя. – Наша бухгалтерия часто выезжает на международные конференции.

– Какие такие конференции? – удивилась Альбина.

– У нас же корпоративный стиль управления и эта, как ее... хартия, – с гордостью сказала Галя. – Все департаменты выезжают на неделю в Турцию или Тунис, куда-нибудь, где красиво и есть теплое море.

– И что, совершенно бесплатно? – недоверчиво спросила Альбина.

– Ну, да, – довольная произведенным эффектом, небрежно сказала Галя.

– И чем они там занимаются?

– Ну, по-разному. Совещания проводят, деловые переговоры, посещают все вместе музеи, исторические памятники...

– Продавцы еще понятно, – сказала Альбина. – А что делать бухгалтерии на деловых переговорах. Их работа простая – бери больше, кидай дальше.

– Альбина, ну не будь ты такой бедной. – Сказала жалостливо подруга. – Что такое эта поездка для фирмы, которая продает на пятьсот миллионов в год? Это тыфу, все равно, что тебе орехов купить для забавы.

У Альбины не умещались голове такие крупные цифры.

– И все же это убыток. Они же могут никого не возить и не платить за это, хотя бы потому, что не обязаны.

– Понимаешь, есть такое слово – шик, – сказала тогда важно Галя. – Можешь считать это шиком.

Альбина представила себя в дорогом отеле, где кондиционеры работают бесшумно и на каждой двери золотые ручки, на такой, к стати сказать, лично у нее не хватило бы средств. Ей приходилось пару раз бывать в Турции в простеньких трехзвездочных отелях с растворимым кофе и очередями на завтрак. Но это было не то. Альбине очень-очень хотелось бы побывать в таком престижном месте, где все чинно, где не толкаются в лифтах и в номерах висят белоснежные накрахмаленные халаты...

Альбина закрыла глаза и задумалась.

«А я расскажу ей, что в этом году была в Питере. Прошлась, посмотрела. Хотя честно сказать, мне этот сегодняшний Питер не понравился. Не понравился внешним видом и скромными переменами к лучшему. И вообще как-то его мало, по всюду виден хоть небольшой, но недостаток и постоянно кажется, что что-то сломано. Люди молчаливые и даже пришибленные, и атмосфера такая... Достоевская, с обидой, будто и вправду здесь что-то недочтено. И дома грязные. Боже какие там грязные дома! Я могу еще понять грязь городских окраин, но ведь это центральный проспект! Так бы взять этот Невский и опустить в большую горячую ванну с мыльной пеной и хлоркой. И то он просто так не отмоеется, придется оставить там до утра, чтобы пыль эта, песок, гарь, вся копоть, выхлопные газы, чтобы все это намокло и отвалилось. А потом поставить на место и полить еще разок, но уже холодной водой из нагнетателя. Тогда наверно это был бы нормальный проспект, не хуже других. Хотя шире он от этого не станет, все равно только половина нашей Тверской.

А так город как город – все как везде: Кофе-хауз, Джек-Пот, Евросеть, Елки-Палки... вывески, вывески... одна банальнее другой.

И еще мне не понравились питерские девушки. Они как в песне – «Blonde on blonde» (Блондинка за блондинкой). Такое ощущение, что у них из всех кранов вместо воды чистый гидроперит течет. Я даже сначала и не поняла, но чувствую, что-то режет глаз. А потом смотрю точно галлюцинация – одна блондинка идет, другая, третья... пятая. Да все, все поголовно женщины на Невском перекрашены да так смело, так смело, даже слишком. Так и идут по немытой двадцать лет улице белые-белые, все как одна. Ну, скажите, что может быть скучнее повальной моды?! И другие – тетушки – тоже хороши, они сдержанны и воспитаны, у них принципы и взгляды, свой язык – греча, паребрик, парадная... Ах, сколько же было потрачено времени на тот отчаянный спор, какой город считать столицей – Питер или Москву. Для них еще спор не окончен, они то и дело пытаются вставить в любой самый невинный разговор, мол, Питер – и есть столица, а не Москва. А мы не спорим, ни к чему это.

В смысле множества вывесок и где выпить кофе и пройтись по сторонам посмотреть – это на столицу конечно похоже, да и все. И с чего они взяли, что Питер столица? Неужели они так на самом деле думают?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.